вестный нам из летописи митрополит появляется лишь в середине XI в. Как же была устроена до этого времени церковная иерархия — эта сложная и обязательная в греко-православной церкви организация? Критикам М. Д. Приселкова казалось излишне смелым предложенное им решение этого вопроса; но они не хотели замечать, что вопрос этот до Приселкова оставался нерешенным и требовал какого-то решения.[20] На это обстоятельство справедливо обратил внимание такой тонкий источниковед, как А. Е. Пресняков. Он заметил, что как ни спорна гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви в конце X—начале XI в. Охридской патриархии, «она, в общем, не больше вызывает сомнений, чем ходячее представление о каких-то „митрополитах" при Владимире, и, несомненно, выросла из прямой научной потребности объяснить темноту известий о ранних русских церковных отношениях».[21]

Еще хуже обстоит дело с историей дохристианской Руси. Где проходили южные границы Киевской Руси в середине X в.? Сколько было договоров между Русью и Византией? Что представляли собой «светлые великие князья и великие бояре» вместе с Игорем, заключавшим договор с Византией? Авторы, осуждавшие М. Д. Приселкова за обращение к византийским источникам X в., не заметили, что только эти источники дали возможность М. Д. Приселкову дать хотя бы гипотетический ответ на вопросы, не разрешенные с помощью одной «Повести временных лет». На основании анализа договоров с греками и показаний Константина Багрянородного М. Д. Приселков с большой убедительностью показал, например, что русские владели в X в. частью Крымского полуострова и Азовское море находилось внутри русской территории.[22]

Значение своеобразного источниковедческого «монизма» М. Д. Приселкова становится особенно ясным при конкретном историческом исследовании. Если источник является единственной основой исторического знания, то оценка достоверности того или иного факта всецело зависит от общей оценки источника, который о нем сообщает; желая узнать, достоверен ли данный факт, мы прежде всего должны ответить на вопрос: достоверен ли источник, сообщающий о нем? В своей педагогической работе М. Д. Приселков постоянно выступал против такого отношения к источнику, которое он называл «потребительским»,[23] — когда историк, подходя

---

[20] *Любопытно, что гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви* болгарской Охридской патриархии, отвергнутая в 1914 г. всеми его оппонентами, получила затем широкую поддержку в иностранной историографии. Ср., например: H. Koch. Byzanz, Ochrid und Kiev 987—1037. Kyrios, Bd. 3 (1938), стр 253—292. Обзор литературы вопроса см.: L. Müller. Zum problem des hierarhisches Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. — Osteuropa und der deutsche Osten, R. III, Bd. 6. Köln—Braunsfeld, 1959, стр. 12—17.

[21] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 112.

[22] М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 219—223.

[23] Термин «потребительское отношение к источнику» был довольно распространен в исследовательских кругах в 30-х годах; «автор» этого чрезвычайно удачного термина неизвестен. Нам известен лишь один случай употребления этого термина в печати: в 1934 г., при обсуждении работы Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в древней Руси» (первоначальный вариант будущей «Киевской Руси»), известный источниковед С. Н. Чернов определил отношение Б. Д. Грекова к источнику (в частности, к «Повести временных лет») как «в известной мере потребительское»: «Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и своих частях. В источниках, по которым он изучает рабовладение Киевской Руси, он как бы имеет несколько очень вкусных блюд и спокойно вкушает их, не интересуясь, как эти блюда высокого напряжения приготовлены» (Известия Гос. академии материальной культуры, вып 86. М.—Л., 1934, стр. 111—112).